

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНЦЕПТА ПРОЩЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Прослеживаются истоки формирования концепта *ПРОЩЕНИЕ* в русском языке. Историко-этимологическому анализу подвергаются глагол *простить* и глагол *оставити*, использовавшийся в церковнославянских текстах в качестве кальки греч. ἀφίημι в значении 'простить'.

Ключевые слова: концепт *ПРОЩЕНИЕ*, христианская культура, древнерусский язык, ἀφίημι, *оставити*, *простить*.

Концепт *ПРОЩЕНИЕ* входит в число ключевых концептов, формирующих концептосферу русского языка и являющихся наиболее важными для понимания русской культуры, национального менталитета русского человека. Семантический анализ языковых средств, связанных с выражением таких ключевых концептов культуры, непрост, поскольку подобные концепты обладают многослойной семантической структурой, сложившейся на протяжении длительного времени под влиянием различных социокультурных факторов. В этом случае актуален историко-этимологический анализ, предполагающий не только выяснение происхождения слов, но и исследование социокультурных составляющих семантики этих слов. Среди значений таких слов для исследуемого концепта важнейшими представляются значения духовного порядка, связанные с основными сакральными смыслами христианской религии.

В процессе становления христианской культуры на Руси, когда концепты одной культуры входили в другую, в первую очередь было распространено заимствование целого ряда иноязычных слов, связанных с ключевыми понятиями нового религиозного учения (ср. в русском языке *крѣсть, *сѣрку и т. п., само имя Христа и обозначение хри-

стианства и т. д.). Помимо этого известен прием калькирования греческих терминов, обозначавших важные понятия христианской веры. В данном случае актуальным оказывалось «использование старого и при этом идеологически маркированного (во всяком случае не нейтрального) слова в новой ситуации с удержанием, а иногда и дополнительным развитием “отмеченности” указанного типа и, безусловно, с существенным преобразованием денотатной сферы, как правило, свидетельствующим о сложности семантической структуры такого слова и богатстве его внутренних возможностей, обнаруживающемся при адаптации слова в новых условиях, и прежде всего при моделировании им не известных до тех пор внеязыковых ценностей» [Топоров, 1995. С. 420].

В условиях христианизации языка в IX–XI вв. происходит формирование нового концептуального содержания у ряда слов, которые оказались связанными с выражением христианского понятия – прощения. В древнерусском языке IX–XI вв. это были слова *оставити*, *отпустити*, *простити*.

Анализ семантических изменений у этих слов в связи с формированием концепта *ПРОЩЕНИЕ* невозможен без обращения к древнегреческому языку, к византийским

оригинальным текстам, откуда черпались новые религиозные понятия и слова, выражающие их. К семантическим грецизмам относится слово *оставити* в значении ‘простить’, калькированное с греческого глагола ἀφίημι.

Если рассмотреть ἀφίημι подробнее, то в древнегреческом языке у этого слова обнаруживаются следующие значения: 1. а) отпускать, отсылать, отправлять; пускать, метать; издавать (звук), произносить (слово), испускать вопли, стоны, проливать слезы и т. п.; б) отпускать на волю, освобождать кого-либо от чего-либо; оправдывать (по суду); с) отпускать (долг, платеж, подати). 2. отплывать [Курс греческого языка, 1914. С. 224].

В сакральных текстах у слова ἀφίημι в сочетании со словами ἀμαρτία, ἀμαρτήμα ‘проступок, заблуждение, грех, ошибка’; ‘долг’ и др. актуализируется значение ‘прощать, отпускать’. Например: διότι οἰκτεῖρμων καὶ ἐλεήμων ὁ κύριος, καὶ ἀφίησιν ἀμαρτίας καὶ σώζει ἐν καιρῷ θλίψεως. [Изборник 1076 г., 1969. 187. С. 760], в церковнославянском переводе: **зане штедръ и милостивъ ѿ и оставитъ грѣхы и спасаетъ въ врѣмѣ печали** [Там же. 187. С. 318–319]. Слово **оставить** в этом контексте выступает в значении ‘освобождает от грехов, спасает, сохраняет’, а семантическим агенсом у него выступает Бог как высший судья, имеющий право отпускать грехи.

Для языкового сознания и шире, для христианского менталитета древнерусского книжника соотнесение греч. ἀφίημι и рус. *оставити* представляло прежде всего сопряжение в русском слове христианского смысла концепта ПРОЩЕНИЕ с «мирским» конкретным значением действия удаления от чего-либо, отстранения от какого-либо объекта действия (ср.: *оставить книгу на столе, оставить город*).

В древнерусском языке глаголы *оставити*, *оставляти* были многозначными и употреблялись в значениях ‘оставлять в стороне, пропускать, не упоминать’, ‘останавливать, не позволять’, ‘удалиться, покинуть что-либо’, ‘отпускать грехи’ [Срезневский, 1989. С. 737–738]. Отглагольное существительное *оставление* выступало со значениями ‘отпуск, освобождение’, ‘отсутствие внимания к кому-нибудь’, ‘прощение’ [Там же]. Характерно то, что русское *оставити* в IX–XI вв., выступая в исконном зна-

чении, сохранившемся до сих пор, – ‘удалиться, покинуть что-либо’, полностью соответствовало греч. ἀπολείπω ‘оставить, покинуть что-либо’. В данном случае в древнерусских текстах *оставити* в этом значении является не калькой, а переводом греч. ἀπολείπω. Например: ουκ ἀπολείφθην τῆς ἀγίας ἐκκλησίας [Изборник 1076 г., 1969. 109 об. С. 725], в церковнославянском переводе: **не оставихъ цркви бжии** [Там же. 109 об. С. 476], где **оставихъ** выступает в значении не ‘удалился, не отдалился’ (от церкви).

Если рассмотреть семантическую структуру греческого слова ἀφίημι, то ядерным, интегральным семантическим признаком выступает сема ‘отправить, удалить что-либо от себя’; при этом здесь актуализированы, с одной стороны, динамика объекта действия, которая подчеркивается семантикой префикса -ἀφ-, соответствующего русской приставке -от-, с другой стороны, активность субъекта действия, который что-либо «удаляет».

Когда конкретный объект действия сменяется абстрактным, то возникает возможность метафорических переносов значения в связи с употреблением слова в священных текстах: ἀφίημι δόρυ ‘метать копье’ → ἀφίημι λόγον ‘произносить слово’ → ἀφίημι ἀμαρτία ‘прощать’, буквально ‘отстранять от себя (или от кого-л.) грех, отпускать’.

В морфемной структуре древнерусского слова *оставити* приставка *о-* могла иметь словообразовательное значение ‘отстранение от чего-либо’, т. е. приставка *о-* выступала как алломорф приставки *от-*. Это подтверждается материалом русских народных говоров (пск. *остановить* – *отстановить*), а также употреблением аналогичных префиксальных образований с одной и той же семантикой в истории русского языка (ср., например, в XVIII в.: *обирать* – *отбирать*).

Таким образом, для всех значений древнерусского *оставити* была характерна сема ‘покинуть что-либо, удалить что-либо или удалиться от чего-либо’, где подчеркивается активность действия, направленного на какой-л. объект, самого агенса. Она была присуща семантике греческого слова ἀφίημι, которое калькируется древнерусским глаголом *оставити* в значении ‘освободить от грехов’. Здесь уже актуализируется действие субъекта прощения – Бога, который проща-

ет всех нас, потому что мы – люди и никто из нас не свободен от греха.

В этом отношении глаголу *оставити* синонимичен глагол *отпустити*, сохранивший значение ‘простить (грех, вину и т. п.)’ в современном русском языке. У слова *отпустити* субъектом прощения также является Бог или посредник (священнослужитель), которые снимают вину с человека независимо от того, раскаялся он или нет: **И́сусъ же глаголаше: О́че, Ѡпѣсти имъ: не вѣдаѣтъ бо что творѣтъ** (Иисус же говорил: Отче! прости им; ибо не знают, что делают) [Святое Евангелие, 1914. Евангелие от Луки, гл. 23, 34]. В данной ситуации просьбы о прощении Иисус обращается к Богу, чтобы он простил людей, которые совершают грех, распиная невинного, но при этом виноватыми себя не считают. Налицо отсутствие какого-либо раскаяния, покаяться у распинавших.

Наряду с глаголом *оставити* в значении ‘простить’ в старославянских переводах греческих священных книг и затем – в древнерусских текстах употребляется глагол *простити*. Он также является многозначным, выступая в следующих значениях: 1. освободить: **прости ма отъ вѣсѣхъ зѣлъ**; 2. отпустить, простить (грехи и т. п.): **моѣ блаждениѣ прости простиѣши ны... помози са христ(ос)оу**; 3. разрешить, позволить: **прости ма братѣ каяти себе** [Старославянский словарь, 1999. С. 527].

Глагол *простить* представляет собой производное образование от прилагательного *простъ*, в древнерусском языке употреблявшегося в значениях ‘прямой, свободный, открытый, простой’ [Фасмер, 1986. С. 418]. Активное развитие в глаголе и других производных получает сема ‘свободный от чего-л., простой’.

Материалы русских говоров свидетельствуют, что в народно-разговорном языке с давних времен слово *простить* употреблялось со значениями ‘сделать что-либо простым (т. е. пустым. – А. М.); избавить от бремени, излечить; разрешить от чего-либо’: **Прѣстить нѣрпу** (арх.) ‘извлечь внутренности’; **Рыбу сокращают, простят, укрощают, она усыпает** (промышл.). ‘очищают от внутренностей’; **Бог прости́л родильницу** (с.-в., опростал, т. е. ‘освободил от бремени’) [Даль, 1989. С. 513].

Практически во всех славянских языках существуют слова с корнем *прост-*, имеющие похожие значения: *простя́* (болг.) ‘прощу’; *прѣстити, прѣстѣм* ‘простить’ (сербохорв.); *prostíti prostím*, ‘простить’ (словенск); *prostiti* ‘освободить’ (чеш.) [Фасмер, 1986. С. 418].

Примечательно то, что именно в южнославянских языках (болгарском, сербохорватском, словенском) у глагола *простить* семантическое изменение ‘освободить что-либо’ → ‘простить что-либо’ осуществилось полностью. Немаловажную роль в этом случае сыграла христианизация южно- и восточнославянских народов, где церковнославянский язык выступал непосредственным проводником христианских идей между византийским и славянским миром.

Не получила указанного развития семантика слова *простить* в западнославянских языках: в чешском языке *prostiti* имеет значение ‘освободить’, а значение ‘простить’ выражается лексемами *prominout* и *odpustit*; в польском есть только прилагательное *prosty* ‘простой; прямой’, значение же ‘простить’ передается глаголами *wybacszyć* и *przeprósić się*. Возможно, здесь сыграли свою роль иные социально-культурные условия: католицизм, латинизация культуры и языка явились препятствием для выражения концептуальной идеи **ПРОЩЕНИЕ** посредством слова *простить*.

В дальнейшей истории русского языка наблюдается постепенное вытеснение словом *простить* глагола *оставить* в значении ‘простить’. Слово *оставить* в указанном значении в XVI–XVII вв. уже не встречается. В то же время в синонимические отношения со словами *простить, прощение* вступают лексемы *извинить(ся), извинение*, первоначально употреблявшиеся соответственно в значениях ‘провиниться; признать свою вину’ и ‘упрек, обвинение’ [Словарь древнерусского языка, 1990. С. 470].

Указанное вытеснение происходит не в силу многозначности слова *оставить*, а в силу семантической неопределенности этого глагола, поскольку многозначность слова в речи снимается, а семантическая неопределенность остается: одна и та же лексико-синтаксическая позиция, тот же переходный глагол, тот же объект действия в В. п., однако значения реализуются разные (ср. *оста-*

вить грехи, оставит город). Но, пожалуй, главная причина замещения *оставит* глаголом *простить* состоит в том, что концепт ПРОЩЕНИЕ получил дальнейшее развитие на восточнославянской почве и это отразилось прежде всего на языковых средствах его выражения, в частности на семантической модификации слов с корнем *прост-*. Глагол *простити* по своей внутренней форме более адекватно выражал смысл христианской морали в древнерусском языке. В новой ситуации слово *простить* в своей семантике парадоксальным образом сочетало архаичное и инновационное. Активность древней семы 'очищение чего-либо от содержимого', подтверждаемая материалом различных русских говоров, соотносится с актуальностью новой семы 'духовное очищение'. Акт прощения представляется не как внешнее отторжение грехов от человека Богом, где направленность удаления объекта (проступков, грехов) от человека выражалась греч. ἀφίημι и его церковнославянской калькой *оставити*. У глагола *простить* агенсом выступает уже человек, и «прощающий других людей человек наделяется равной с Богом действенной способностью» [Томильцева, 2010. С. 5]. Немаловажно то, что у слова *простить* в отличие от *оставити* происходят определенные семантические сдвиги, отражающие различия между религиозным и светским пониманием прощения. В христианской этике суть прощения заключается в том, что человек должен прощать всех, так как Бог предназначает любить внутреннее «я» каждого человека точно так же и по той же причине, по которой мы любим свое «я» [Льюис, 1992. С. 338]. В светской этике прощают по разным причинам, и нередко проступок провинившегося предается забвению в силу великодушия, незлопамятности субъекта: *Фома, Фома! – вскричал дядя, – ...Будь же великодушен! забудь, прости и останься созерцать наше счастье!* [Достоевский, 1972. С. 154].

На первый план здесь выступает понятие внутреннего очищения, душевной свободы, нравственного «опрощения», поскольку грехи, проступки ассоциируются с ощущением того, что «камнем лежит на сердце, давит душу» и пр. – т. е. с ощущением тяжести и сложности, которое должно *про-*

стить. В этой связи характерно появление сочетания *простить кого-либо* наряду с *простить что-либо*. В концепте ПРОЩЕНИЕ представление о «хирургическом» удалении греховных дел (*оставити грѣхы*) сменяется представлением об освобождении души человека от чувства вины за тот или иной проступок (*простити кого-либо*). Лексическая сочетаемость слов *оставити* и *простити* в Изборнике 1076 г. свидетельствует об указанных семантических различиях: *яко прости мѧ владыко : яже съгрѣшихъ доселѣ* [Изборник 1076 г., 1969. 217 об. С. 583]; *рече исповѣмъ на сѧ беззаконна своѧ гвн и тѣ оставитъ бешѣкъ срдца моего* [Там же. С. 13]; ...говорил: исповедуюсь о беззаконии своем господу, и тот простит бесчестье сердца моего.

Особенности концепта ПРОЩЕНИЕ проявляются также в ситуации, когда агенсом выступает тот, кто просит прощения. Он движим чистосердечным раскаянием, и это может вызвать у адресата прощение. В качестве имплицитного смысла раскаяние присутствует в семантике слова *простить*: Ср. *Я виноват и прошу простить меня при невозможности *Я не виноват и прошу простить меня*. Такой пресуппозиции нет у слов *оставити*, *отпустити*, поскольку субъект прощения – Бог или посредник в роли священнослужителя, прощает человека независимо от его раскаяния.

Список литературы

Льюис К. С. Любовь. Страдание. Надежда. М., 1992.

Томильцева Д. А. Опыт прощения: социально-философский анализ: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2010.

Топоров В. М. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1.

Список словарей

Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. М., 1989.

Святое Евангелие. СПб., 1914.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1990. Т. 3.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1892. Репринтное издание 1989 г. Т. 1–3.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1999.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 3.

Изборник 1076 г. М., 1969.

Курс греческого языка / Под ред. М. Григорьевского. М., 1914.

Список источников

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 3.

Материал поступил в редколлегию 08.02.2012

А. Р. Mayorov

HISTORICAL AND ETYMOLOGICAL ASPECT OF CONCEPT «PROSCHENIE» (FORGIVENESS) IN RUSSIAN LANGUAGE

Sources of forming of concept *PROSCHENIE* in russian language in article are investigated. Historical and etymological analysis of verbs *prostiti* and *ostaviti* is carried out. The last was used in church slavonic texts as translation loan word of greek ἀφίημι with meaning 'forgive'.

Keywords: concept *PROSCHENIE* (FORGIVENESS), christian culture, old russian language, ἀφίημι, *ostaviti* 'forgive', *prostiti* 'forgive'.